

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

В НАЗВАНИИ ДЕСЯТИ СПЕКТАКЛЕЙ ТЕАТРА ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА, ПРИВЛЕЧЕННЫХ НА ГАСТРОЛИ В НАШ ГОРОД, СОБРАНО ОГРОМНОЕ БОГАТСТВО МИРОВОГО СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА: РАЗНЫЕ ВЕКА И СТРАНЫ, АВТОРЫ С МИРОВОЙ ИЗВЕСТНОСТЬЮ И ДРАМАТУРГИ НАШИХ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ГОДОВ. ВАХТАНГОВСКАЯ АФИША ВЫЗЫВАЕТ ИНТЕРЕС, ЕЕ К ТОМУ ЖЕ УКРАШАЮТ ИМЕНА ПРИЗНАННЫХ И ЛЮБИМЫХ АКТЕРОВ.

ИНТЕРЕС К СПЕКТАКЛЯМ ЗНАМЕНИТОГО ТЕАТРА ОГРОМЕН. СРЕДИ МНОЖЕСТВА СЦЕНИЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ, ВЛАДЕВШИХ В ТО ИЛИ ИНОЕ ВРЕМЯ УМАМИ ЛЮДЕЙ, ВАХТАНГОВСКИЙ БЫЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ

ЛЮБИМЫХ. ЕГО СЛАВА НА УДИВЛЕНИЕ СТАБИЛЬНА. УЖ НЕ ЗНАЮ, В ЧЕМ ТУТ СЕКРЕТ. В БЛЕСТЯЩИХ ЛИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЯХ ЕВГЕНИЯ ВАХТАНГОВА И РУБЕНА СИМОНОВА, ЗАЛОЖИВШИХ ОСНОВЫ ЭТОГО КОЛЛЕКТИВА, В ТАЛАНТЕ ЛИ АКТЕРОВ, СВЯЗАВШИХ С ТЕАТРОМ СВОЮ СУДЬБУ? А СКОРЕЕ ВСЕГО, ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО УМЕНИЕ ТЕАТРА СОХРАНЯТЬ ГЛАВНЫЙ ЗАВЕТ СВОЕГО ОСНОВАТЕЛЯ: «НЕТ ПРАЗДНИКА — НЕТ СПЕКТАКЛЯ». К ЭТОЙ ОСОБОЙ ПРАЗДНИЧНОСТИ ИСКУССТВА ВСЕГДА СТРЕМИЛИСЬ ВАХТАНГОВЦЫ, ОНИ УМЕЛИ БЫТЬ В НЕЙ НЕПОХОЖИМИ НА ДРУГИХ.

УСЛЫШАННОЕ, прочитанное, виденное раньше проверилось и перепроверилось в дни гастрольной поездки в наш город. Скажем честно, театр имени Евг. Вахтангова не в каждый вечер подтверждал свою славу. Думалось в эти дни о многом. Прежде всего, о том, что так много для вахтанговцев, в чем их чудообразие. Радовал высокий профессионализм актеров, и он же огорчал, когда техника затмевала правду существования в образе. Очаровывала смелость обращения и сложнейшему драматургическому материалу, и порой разочаровывала робость его сценического прочтения. Вахтанговский театр слышал на своем веку множество комплиментов, он способен отличить гостеприимную важность зрительского зова от более дорогих аплодисментов, вызванных потрескиванием и восхищением.

«Для чего в студию этот спектакль сегодня, здесь, для этого зрителя?» — вот первый вопрос, который Вахтангов задавал себе, берясь за постановку. «Видишь чего?» — вопрос классический. Мы размышляли об этом в антракте, после спектакля, отвечая по-своему, обмениваясь впечатлениями об увиденном.

Вахтанговский театр — конструкторский театр. И трудно представить его без пьес А. П. Чехова. Но так уж получилось, что ни одна из «вертикальных» пьес Чехова не оставила на вахтанговской сцене следа. В 1965 году появился спектакль, в котором сделана смелая попытка встретиться не с Чеховым-драматургом, а с Чеховым-человеком. Спектаклю шестидесять лет. Шестидесять лет с вахтанговской сцены звучат чеховские мысли — строки из его писем и записных книжек. Эти мысли по-прежнему притягивают, более того, выглядят очень современными и даже подготавливают основу для будущего.

«Насмешливое мое счастье». Пьеса Л. Маяковского. Постановка народной артистки РСФСР А. Рымозова. Какая удача, что раньше люди часто писали письма и внутренний мир писателя оказался в какой-то мере зафиксированным на бумаге. Об этом задумывались на спектакле в первую очередь. И тогда возникает острота по культуре тонких человеческих отношений, в которых много юмора, поэзии, блестящих игры ума, искренности, обаяния. Мурашур урод дает нам Антон Павлович Чехов!

Это главное достоинство спектакля. Видимо, истинная интеллигентность, выходящая в душе его, и сохраняет «Насмешливое счастье» столько лет. И не хочется замечать некоторые обидные неточности в сопоставлении указанного нами спектакля с истинной болью чеховской жизни. Не прикоснуться к этой жизни мажор, пусть на мгновение. Вслед за Чеховым так и хочется повторить найденную им же формулу: «Нужно работать, имея в виду только будущее». Это было credo писателя. Но это может быть и credo театря.

И, видимо, ради будущего обрелись вахтанговцы и первой советской пьесе — «Мистерия-буфф». Тогда, в 1918-м, Владимир Маяковский устремлял свои мысли к нам. Вот мы и встретились.

Что это? Реставрация исторической ценности или живая переличная поколения? Такой вопрос волновал не только критиков, пришедших на вахтанговский спектакль. Он занимал каждого, кому известна шумная и гордая история этой пьесы. Пьесы Маяковского сегодня играть нелегко. И сколько уж рад видеть мы экзотичные постановки без забывающихся актерских работ и без глупых мыслей. На вопрос «ради чего?» вахтанговский театр отвечает своим спектаклем. (Рейссер-посте-

новщик Е. Симонов), как мне думается, так: ради любви к Маяковскому, который как автор близок стилю театра.

Известно увлечение Вахтангова идеями Мейерхольда, известного театральна друга Мейерхольда и Маяковского. У «Мистерия-буфф» такая обретенная эстетика — право на изменение вахтанговцев. Еще в той давней мейерхольдовской постановке «Мистерия», к которой приложил руку и сам Маяковский, по авторитетным утверждениям было больше полемика эстетического затора и меньше подлинное сценическое мастерство. Для сегодняшнего зрителя «Мистерия» — произведение не полнценное. Следовательно, чужеродный элемент из сценического мастерства. Давний спектакль Мейерхольда и Маяковского в подлинно переосмысленной форме устанавливал совершенно иное отношение между сценой и зрительным залом. Сегодняшняя сцена и зал далеко искусства понимают одинаково. Следовательно и форма отношений с залом должна быть решительно обновлена. Если когда-то насыщенный политической страстностью и блестящий по форме спектакль Мейерхольда утверждал новый вид театра, актуального, массового, плодородного, то такой театр сегодня существует и известен нам в отличных, сохранившихся образах.

Позову и прочтении вахтанговскими «Мистерия-буфф» представляется нам данью эпохе и автору, реликвии, чья ценность известна, оправдана, но активная сопряженность с нашим временем пока не найдена.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНА судьба «Принцессы Турандот», спектакля, прошившего славу и красивую жизнь. Им начинался Вахтанговский театр. Он и сегодня украшает и открывает его афишу. Заслуженный и любимый всеми спектакль. Мелодия из «Тураниды» не только символ вахтанго-

во, но и поэзия театральности искусства нашей страны. Но спектакль — как люди. Они не всегда одинаковы в дни холода, зрелости и старости. Вахтанговцы берегут свой спектакль. Старается сохранить его легкую импровизационную основу. Всегда ли это удается? Нет, не всегда. А ведь мы, зрители, безжалостны. Мы идем на «Принцессу Турандот» с намерением увидеть тот спектакль Евгения Вахтангова 1922 года. Конечно, он не может быть таким, да и мы не сегодня другие. Тем не менее требовательность наша оправдана — за спектаклем его давняя история, и как хочется, чтобы он сохранил чужие и талант подлинных художников, его создавших, чтобы оставался он своеобразной реликвией в будущем. На это так надеялся Евгений Брагинтович Вахтангов.

ОСНОВАТЕЛЬ театра всегда добивался от актеров искренней правды чувств. Вероятно этим объясняется то обстоятельство, что в театре, где так высоко ценится острота театральности, алет фантазии, асфера, родились такие знаменитые преданные актеры, как Борис Шукрин и Михаил Ульянов. Ожидал встречи с вахтанговцами, не скрою, многие мичмане ждали встречи с Ульяновым. Актеру такого дарования по плечу самые глубокие роли мирового репертуара. И он не обделен ими. Мичмане увидели Ульянова в шекспировских трагедиях. «Дуэнья» и «Клеопатра» и «Ричард III» — вот спектакли, где рдеет мастерство этого прекрасного артиста.

Если говорить о спектакле, где на сегодняшний день сложность и глубина драматургии превосходно соединились с условно-образным принципом решения действия, где яркая метафора и эстетическая точная форма, где по замыслу самобытные актеры, так это «Ричард III». Темперламент, мысль, эмоция постановщика (он же сценарист) Ф. Капелла-

на и актера М. Ульянова направлены на выявление своего отношения к миру и человеку. Стоит ли напоминать, что любя пьеса Вильяма Шекспира — труднейшее и ответственнейшее испытание для театра. Для осуществления постановки необходимо не только наличие одаренных актеров-исполнителей, но и высокая профессиональная культура всего творческого коллектива. Вот почему не часто встречается на афише Шекспир, а еще реже — с ним остаются одни-единственные художественного замысла. Моев современник сценический язык «Антония и Клеопатры». Больше поводов для работы сердца, мысли, воображения дает «Ричард III».

Жуткую бездонную картину зла открывает перед нами Михаил Ульянов. С той минуты, как его герой по мосткам, перекинутым через оркестровую яму, как бы входит в зрительный зал, объясняя и поверяя свои намерения, и де классического призыва: «Корону за коня» актер не оставляет никаких надежд на то, что в «Ричарде» может не быть обнаружены злы, одно человеческое качество. Этот Ричард балансирует, в нем нет ничего, что могло бы хоть на секунду вызвать сочувствие, понимание или логическое объяснение. Даже когда для достижения своей цели он неоглядет на лицо выродка моего человека, он никого не может ввести в заблуждение. И это откровенно созданное впечатление обязательным и реалистически точным, по-человечески притягательным актерам!

Ричард исторический и Ричард сценический — разные фигуры. Крутой сломались по истории средних веков М. Барт в книге «Шекспир и история» дал точный портрет настоящего Ричарда Глостера.

Как мало в нем от страшного шекспировского демона. Но так важна нам личная человеческая качества исторического Ричарда! Волнует другое (и не скрою, заставляет спорить и размышлять, искать доводы и не соглашаться) — мог ли столь ясно раскрытый всем, уродливый телом и душой, фальшивый и глупый человек подчинить своей воле умных и прозорливых, сильных и бесстрашных, сломать такое множество препятствий на пути к английской короне? Ведь даже в злодеи мы склонны искать крупицы таланта, с помощью которых он возмещивается над простыми смертными. В добром или злом, в злом — добро, — тако принцип создания образа, высказанный Станиславским. Это необходимо для выпуклости характера.

Ульянов как бы разное нарушение принципа на пути к английской короне? Ведь даже в злодеи мы склонны искать крупицы таланта, с помощью которых он возмещивается над простыми смертными. В добром или злом, в злом — добро, — тако принцип создания образа, высказанный Станиславским. Это необходимо для выпуклости характера.

Трудно каждый вечер выходить на сцену, расхлебывать себя, отдавая столько сил тяжелой работе, подобно тому, как это делает в «Ричарде» Ульянов. Но при таком решении спектакля иначе нельзя. Здесь не спрячешься за актерскую технику, не устроишь парадный, не расслабишься. В таком спектакле невозможно дублер. Спектакль создан в расчете именно на Ульянова. Спасибо актеру за минуты высокого искусства.

Мы расстанемся с вахтанговцами, продолжая споры по поводу увиденных спектаклей, ожидая новых открытий от коллектива сильных и талантливых мастеров.

Татьяна ОРЛОВА.

НА СНИМКАХ: сцены из спектаклей театря имени Евг. Вахтангова «Мистерия-буфф», «Антония и Клеопатра», «Ричард III» и «Насмешливое мое счастье».

